

Колин Б. Мойнихен¹

АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Введение

В 1991 году, вероятно, в поисках геостратегического эквивалента знаменитой теории «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы президент США Джордж Буш-старший предложил доктрину «нового мирового порядка» для определения положения, сложившегося после холодной войны.

Однако вместо формирования более благоприятной и безопасной среды произошло нечто противоположное. Сегодня глобальную среду можно рассматривать скорее как «новый мировой беспорядок», обусловленный наличием «дуги нестабильности» в виде волнений и конфликтов, происходящих от Украины до Ближнего Востока и Северной Африки.

Спустя 25 лет после окончания холодной войны мир выглядит более нестабильным и беспокойным на фоне многочисленных случаев насилия и эскалации конфликтов. Вне зависимости от места возникновения конфликты могут поглотить всех из-за высоких скоростей экономической глобализации мира и цифровой революции, которые, как кажется, зачастую превосходят возможности национальных правительств и международных организаций эффективно на них реагировать.

Три года назад Уильям Хейг, в то время занимавший пост министра иностранных дел Великобритании, предупреждал о вероятности «системного беспорядка» и высказывал мысль, что Великобритания «переживает время отрезвления в международных делах». Позднее Филип Хаммонд, исполняющий обязанности министра иностранных дел в настоящее время, говорил о «новых и беспрецедентных» угрозах для нашего мира.

Даже если картина мира и не является более сложной, чем когда-либо, она, вне всякого сомнения, является сложной, как всегда. Многочисленность и разнообразие новых и уже имевшихся угроз временами поражает: терроризм, конфликты, мятежи, джихадизм, межконфессиональная вражда, оружие массового поражения, кибератаки, массовая миграция (зачастую вызванная гуманитарным кризисом), изменение климата, глобальные пандемии — от лихорадки Эбола до лихорадки Зика, устойчивость к лекарственным препаратам, коррупция, распространение ядерного оружия. Список можно продолжить.

В сложных условиях, когда проблемы, кажется, не имеют решений, либеральный порядок и демократические ценности свободного рынка, предусмотренные «Вашингтонским консенсусом», ставятся под сомнение, как никогда ранее, подвергая пересмотру целый

ряд исходных посылок, на которые опирались внешнеполитические деятели Запада.

Наверное, не стоит удивляться тому, что внешнеполитические принципы многих западных ведомств выглядят неубедительными и неопределенными на фоне современных вызовов. США, стремясь отказаться от принципа безотчетных действий, направленных вовне, которого они придерживались после окончания Второй мировой войны, развернулись к внутренним проблемам, и именно эта тенденция становится все более заметной в ходе предвыборной президентской гонки. Большинство экономик Европы пребывает в депрессивном состоянии, многие страны не имеют ни ресурсов, ни желания заниматься фантомной дипломатией.

Сегодня, когда проблемы более очевидны, чем способы их решения, — в условиях нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, сокрушительной трагедии в Сирии, непрерывного подъема так называемого «Исламского государства», или ДАИШ, и террористической угрозы, которую оно представляет, наплыва беженцев, решительного напора России, конфликта на Украине, напряженности в районе Южно-Китайского моря, продолжающихся ядерных провокаций со стороны Северной Кореи, не говоря уже о различных кризисах в странах ЕС, — легкие пути практически отсутствуют, что, по сути, рассматривается теми, кто разрабатывает ответные меры в области политики, в качестве «отравленной чаши».

Наиболее устойчивыми, острыми и потенциально разрушительными мировыми вызовами являются проблемы Ближнего Востока, имеющие разнообразный характер и значительный масштаб: терроризм, экстремизм, межконфессиональная вражда, мятежи, конфликты, коррупция, авторитаризм и отсутствие эффективного управления. В связи с этим настоящий доклад посвящена проблемам именно Ближнего Востока.

Ближний Восток: религия в огне?

В августе 2013 года министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг заявил, что преодоление нестабильности на Ближнем Востоке может «потребовать нескольких лет или нескольких десятков лет». Сегодня мало оснований сомневаться в точности такого анализа. Через два года, в декабре 2015-го, Аналитический центр Карнеги в Европе попросил семерых экспертов спрогнозировать важнейшие события международной политики на 2016 год, и четверо из них выбрали события на Ближнем Востоке.

Нынешний министр иностранных дел Великобритании Филип Хаммонд определил три основных приоритета для нынешней внешней политики страны: референдум о членстве в ЕС; вызовы, связанные с исламистским экстремизмом и терроризмом, и нестабильность на Ближнем Востоке (все более связанная с проблемами, обусловленными экспансией России).

¹ Государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента, бизнесмен. Председатель Британской олимпийской ассоциации (2005–2012). Министр по делам спорта в правительстве Маргарет Тэтчер (1987–1990), заместитель министра энергетики (1990–1992). Директор Лондонского организационного комитета Олимпийских игр и член Олимпийского совета, осуществлявшего надзор за соревнованиями (2012). Спортсмен, серебряный призер Московской Олимпиады–1980 (гребля).

Во многих странах ситуация становится все менее стабильной и более опасной. При взгляде на регион не просто найти хорошие новости. Ближний Восток, как всегда, погружен в трясину межконфессиональных беспорядков. Образовалась глубокая пропасть между суннитами и шиитами, которая порождает атмосферу глубочайшего недоверия и враждебности и, похоже, обрекает арабский мир на нестабильность. Самые мрачные прогнозы сводятся к тому, что в регионе может быть развязана такая же Тридцатилетняя война, как та, которую в XVII веке вели католические и протестантские государства за гегемонию в Европе.

Региональный порядок рушится под тяжестью сложных, многоуровневых политических проблем и конфликтов, межконфессиональной вражды, этнического и регионального разделения, и западная международная политика пытается справиться с этой ситуацией. Существует мнение, что исламский мир охвачен жестокой внутренней борьбой, а внешние силы рискуют быть втянутыми в гражданскую конфессиональную войну между суннитами и шиитами. Ситуация осложняется тем, что траектория изменения цен на нефть, достигших уже 30 долларов за баррель, также оказывает воздействие как на экономическую, так и на политическую стабильность в регионе.

Древние противоречия между суннитами и шиитами, основы которых коренятся в сердцевине ислама и которыми обусловлены практически все крупнейшие конфликты на Ближнем Востоке, не утратили остроты, а появление джихадистской группы ДАИШ в Ираке и Сирии нарушило существовавшее равновесие сил и в настоящее время ДАИШ находится в центре исламского противостояния не только на Ближнем Востоке, но и в странах Северной Африки, от района Сахель (страны Африки к югу от Сахары) до Афганистана и Пакистана. Процесс распространяется так же, как любая заразная болезнь, при этом террористическая сеть уже усилилась в Европе.

На вершине этой пирамиды находится конфликт в Сирии, выросший до размеров угрозы мировой безопасности и приковывающий к себе внимание международной общественности. Сирийские проблемы выходят на мировой уровень и распространяются через беженцев и международных боевиков подобного толка. Кризис миграции, постигший ЕС, наряду с «кинжалом» терроризма, нацеленным ИГИЛ в сердце Европы, в частности после атак 13 ноября в Париже, означает, что Европа больше не является сторонним наблюдателем. Сирийский кризис требует срочного разрешения, однако каким образом и кем решение будет найдено, остается неясно. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Ядерная сделка с Ираном

При всей тяжести ситуации в регионе, возможно, следует начать с того, что многие расценивают как блистательную историю успеха, которая, однако, при этом не реализована полностью и остается чрезвычайно противоречивой. Речь идет о знаковом ядерном соглашении с Ираном. Если (а сомнения действительно велики) соглашение позволит добиться заявлен-

ных целей, которые заключаются в запрете приобретения ядерного оружия Ираном, а также предполагаемых целей, то есть такой трансформации взаимодействия Ирана с Западом в целом, которая превратила бы его в более адекватного участника региональных и глобальных событий через 14 лет после включения Ирана Дж. Бушем-младшим в печально известную «ось зла», то данное соглашение станет историческим достижением дипломатии Группы 5 + 1 («Шестерка»).

Соглашение все еще находится на ранней стадии реализации и сталкивается с критикой (и возможным отказом от его реализации) со стороны адептов «жесткого» курса как в Иране, так и в США, в то время как в регионе возможность снятия санкций с Ирана вызывает озабоченность Саудовской Аравии и Израиля.

По-прежнему остается серьезная проблема: Иран оказывает дестабилизирующее влияние на регион, угрожает Израилю, нарушает права человека в своей стране и поддерживает терроризм за рубежом. Однако Хасан Рухани, (относительно) умеренный президент Ирана, поставил на кон свою роль лидера государства, называя «день реализации» (снятие санкций) «золотой страницей» в истории своей страны.

Сторонники сделки справедливо расценивают ее как триумф многосторонней дипломатии, и западные их представители, в частности в связи с перспективами высокой доходности развивающегося рынка, наблюдали энтузиазм деловых и политических элит во время визита президента Рухани во Францию и Италию в конце января 2016 года.

Тем не менее есть и те, кто опасается, что, как ни парадоксально, вместо того чтобы положить начало новой эре стабильности и сотрудничества, это историческое ядерное соглашение может вывести геополитическую борьбу между Ираном и Саудовской Аравией на новый уровень, так как возрождение Ирана для Саудовской Аравии, уже пострадавшей от снижения цен на нефть, может стать началом нового этапа соперничества со своим историческим региональным конкурентом.

Саудовская Аравия и Иран

В начале 2016 года резко усилилась напряженность между Саудовской Аравией и Ираном. Несмотря на то что взаимные претензии этих стран имеют давнюю историю, обусловленную глубокими межконфессиональными противоречиями и усиливающейся борьбой за гегемонию в регионе, такие действия, как скандальная казнь шиитского проповедника шейха Нимр Аль-Нимра в Иране в январе, обострили противостояние. Кризис усугубился в результате попытки поджога посольства Саудовской Аравии в Тегеране в знак протеста и последующего разрыва дипломатических связей между странами.

Взаимоотношения двух региональных держав, казалось бы, находились в нижней точке в течение десятилетий, негативные последствия произошедшего угрожают усилением раскола и погружением региона в кризис. На фоне того, что жестокие гибридные войны уже начались в Йемене и Сирии, вероятность прямого

конфликта между этими двумя странами, как представляется, существенно возросла.

Помимо многолетнего недоверия, теперь и ядерная сделка Ирана с Западом, похоже, может нарушить политические расчеты в регионе и изменить баланс власти. Саудовская Аравия и ее союзники в Совете по сотрудничеству государств Персидского залива не знают, сыграет ли Иран как «адекватная» сторона, участвующая в принятии решений в регионе, конструктивную и умиротворяющую или, как они подозревают, дестабилизирующую и революционную роль, поддерживая вооруженные шиитские группировки, провоцируя межконфессиональную борьбу и усиливая конфликты в Сирии и Йемене.

Сегодня еще слишком рано предсказывать, какой эффект новое развитие событий в регионе окажет на конфликты на территории от Леванта (стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря) до Йемена. Много будет зависеть от того, как Иран воспользуется своей вновь обретенной легитимностью и сможет ли добиться своего Рухани, которого уже давно считают лицом, способным восстановить дружественные отношения с Саудовской Аравией.

В настоящее время даже возможность потепления отношений Тегерана с Западом и повторное открытие его рынков, несмотря на проблематичность воплощения этого в жизнь, увеличивают в Эр-Рияде страх перед усиливающимся Ираном, получившим возможность соперничать с Саудовской Аравией в политической, экономической, военной и культурной сферах за доминирование в регионе, особенно в свете того, что такие страны Персидского залива, как Катар и Оман, вероятно, смогут достичь взаимных договоренностей в области экономики и торговли.

«Арабская весна»: пять лет спустя

Последствия «арабской весны» 2011 года и появление сил, способствующих возникновению беспорядков и обусловивших начало переходного этапа, по-прежнему вызывают резонанс в арабских странах и во всем мире. Спустя пять лет регион охвачен кровопролитием и экстремизмом, и речь не идет о начале нового века демократии и реформирования, как многие надеялись. Вместо этого образовавшийся вакуум власти все чаще заполняется организациями ДАИШ и ее союзниками, что приводит к разрушительным последствиям.

Журнал «The Economist» от 9 января 2016 года опубликовал резкое заявление о том, что «арабы никогда не жили в более суровых условиях. Надежды, возникшие после «арабской весны»... разбиты. Отчаяние достигло предела».

Согласно официальной оценке, в течение пяти лет погибло 500 тыс. арабов, и эта цифра вряд ли является преувеличением. Возможность проведения политики, характеризующейся участием и ростом благосостояния, видится весьма отдаленной. Картина региона представляет собой в лучшем случае эпизодические проблески демократии и государственного порядка, а в худшем — полную катастрофу. Ливия и Йемен по-

грузились в хаос, гражданской войне в Сирии не видно конца, вместо этого в нее вступают новые силы, и все еще не побеждена ДАИШ. Тем временем Египет, который многие комментаторы считают индикатором ситуации в регионе, вернулся к режиму военного авторитаризма, приговорив к тюремному заключению президента Мурси и запретив организацию «Братья мусульмане». Находясь в состоянии экономического спада, страна все чаще сталкивается с жесточайшими беспорядками, которые устраивают исламисты на территории Синайского полуострова.

Даже Тунис, который считался единственным исключением, не смог избежать политической турбулентности и предотвратить появление воинствующих исламистов на политической арене после террористических атак на музей Бардо в марте 2015 года и в городе Сус в июне 2015-го.

Беспокойство вызывает и то, что многие причины, породившие «арабскую весну», по-прежнему сохраняются: речь идет о «смертельном союзе» демографических и экономических факторов. Ближний Восток — самый молодой регион мира, за исключением стран Африки к югу от Сахары, в то время как с точки зрения экономики надежды поколения хорошо образованных, но не имеющих достойной работы арабов рушатся из-за плохого управления страной вкпе с коррупцией. С учетом растущего раздражения Европы, вызванного миграцией, возможностей покинуть страну у этих людей все меньше. В результате мятежное молодое поколение становится жертвой идеологии ожидающего конца света джихадизма ДАИШ.

На фоне ощущения, что массовые протесты 2011 года, направленные на мирные изменения, были продиктованы наивными ожиданиями и привели к возобновлению споров о ценности стабильности в противовес демократии, существует вероятность, что недовольство и разочарование народов региона найдут в конце концов иной способ выражения, который, как минимум на краткосрочную перспективу, приведет к еще более сильным волнениям.

Ливия

Вероятность формирования эффективного правительства национального согласия в Триполи невысока. Еще большее опасение вызывает тот факт, что неуправляемый хаос и анархия в Ливии позволяют ДАИШ, которая уже присутствует в Сирте, остановить свой выбор на этой стране.

У Ливии нет сильной армии, чтобы сражаться с опытными джихадистами, и любое увеличение присутствия ДАИШ в стране приведет к дальнейшей дестабилизации ситуации в Тунисе и Египте. Все это создает для политиков западных стран, имеющих огромные активы в Ливии, в частности Великобритании, средства и престиж которой были задействованы в свержении Муаммара Каддафи, неизбежные проблемы в 2016 году, связанные с наличием на расстоянии менее 200 миль от береговой линии Европы террористического псевдогосударства, возможно, контролирующего нефтяные месторождения Ливии.

Сирия

Статистика пятилетнего кровопролитного вооруженного конфликта в Сирии ужасает, и в 2016 году возможность его прекращения все еще сомнительна. Последняя попытка мирных переговоров под эгидой США в Женеве провалилась спустя всего лишь два дня из-за взаимных обвинений сторон. На фоне усиленных обстрелов Алеппо правительственными войсками и воздушными силами России мгновение оптимизма, связанное с российско-американскими планами разрушения арсенала химического вооружения в 2013 году, кажется далеким воспоминанием в условиях конфликта, сложность которого с того времени возросла на порядок.

Возможность прорыва образовалась на проходившей в середине февраля Мюнхенской конференции по безопасности, в ходе которой мировые державы договорились добиваться «всеобщего прекращения враждебных действий» в Сирии. Государственный секретарь США Джон Керри признал, что это были «слова, изложенные на бумаге», и совсем другое дело — реализовать их на практике. Это станет проверкой готовности всех сторон — сирийского правительства, оппозиционных групп и внешних сил — прийти на основе данного соглашения к мирному процессу и покажет, не рухнет ли появившаяся надежда при первых трудностях. Последовавший в тот же день ответ президента Башара Асада, пообещавшего «вернуть контроль над страной, отняв его у войск мятежников», не добавляет оптимизма.

Сирийское кровопролитие было описано как мятеж, который вылился в гражданскую войну, превратившуюся в гибридную. Развертываются многочисленные конфликты, одни войны порождают другие, при этом на исходный конфликт накладывается целый ряд гибридных войн, число воюющих стремительно растет, а борьба становится все более ожесточенной: режим Асада против оппозиции, джихадистов ИГИЛ и ячейки «Аль-Каиды» — организации «Джабхат-аль-Нусра» (которые также сражаются между собой); турки против курдов, Иран и Саудовская Аравия борются друг с другом за гегемонию в регионе; а в последнее время США возглавили коалицию в противовес России, при этом обе стороны наносят авиаудары по Сирии.

Как подчеркнули на последней Конференции 2016 года «Поддержка Сирии и региона», прошедшей в Лондоне, страдают невинные и уязвимые, и нескончаемый поток беженцев, подвергшихся бомбежкам, пыткам, голоду и лишившихся жилья, вынужденно покидают страну, упрекая международную систему в провале урегулирования конфликта. Возможно, некоторое облегчение принесет решение, принятое международной группой поддержки Сирии в феврале.

Между тем никаких четких путей достижения мира не просматривается, как и признаков того, что воюющие стороны готовы объединиться вокруг поддержанного Советом Безопасности плана достижения мира, предполагающего прекращение огня и установление переходного периода, который должен завершиться выборами, или что воюющие стороны понимают, что сделка по заключению мира будет более выгодна для

них, чем разгром врага. Нет понимания того, что Джонатан Пауэлл, специальный представитель британского премьер-министра в Переходном правительстве Ливана, назвал «неприемлемым ни для кого безвыходным положением», и, несмотря на посредничество ООН в вопросах достижения мира, пока нет ни одного заслуживающего доверия внешнего посредника, способного принудить все стороны к компромиссу.

Участие России

Стратегические расчеты в Сирии были нарушены осенью прошлого года после неожиданного появления России на и без того «переполненном» поле боя. Помимо вопросов, связанных с необходимостью исключения конфликтных ситуаций в небе над Сирией, западные страны расценивают такое развитие событий как крайне нежелательное в связи с тем, что оно способно продлить войну, в которой нет надежды на победу. Предложенный режиму Асада план спасения продлит пребывание сирийского президента у власти, что неприемлемо для значительной части сирийского населения и подорвет международные усилия, направленные на поиск политического выхода из кризиса. Западные страны также привело в ярость последовавшее усиление ДАИШ, которое произошло, несмотря на многократные уверения России, что наносимые ею авиаудары направлены в первую очередь против террористов ИГИЛ. Кроме того, действия России были названы ее критиками причиной обострения миграционного кризиса, разжигания экстремизма и появления многочисленных жертв среди мирного населения в связи с беспорядочными бомбардировками.

Спор по поводу авиаударов происходит после периода резкого ухудшения отношений между Россией и Западом, подогреваемого напористостью Москвы. Такие события, как аннексия Крыма, кризис на Украине и непрекращающаяся сепаратистская война на Донбассе, расположенном на востоке страны, привели к наложению санкций на Россию, проведению символических военных учений и потоку резких высказываний, которые напоминают риторику эпохи холодной войны. Михаил Горбачев, бывший советский лидер, был вынужден выступить с предупреждением о том, что мир находится на пороге новой холодной войны. Двусторонние взаимоотношения Великобритании и России были еще более осложнены появлением в январе 2016 года отчета по делу Литвиненко, что усилило отчуждение сторон.

К ужасу Запада, Россия предпринимает больше стратегических действий и вооруженного вмешательства как в Сирии, так и на всем Ближнем Востоке, чем после холодной войны. Похоже, Запад сейчас, пытаясь реагировать на действия России в Сирии, находится в состоянии недовольства, схожего с тем, которое Россия испытывала в связи с интервенцией НАТО в Косово.

Подъем так называемого «Исламского государства» ДАИШ (ИГИЛ)

Несмотря на провозглашенную глобальную войну с терроризмом, США и их союзникам предстоит унич-

тожить единственную джихадистскую группу. Не избавившись от «Аль-Каиды», мир столкнулся с тем, что угроза безопасности приобрела глобальный характер, трансформировавшись в новый вид международного терроризма, не менее беспощадного, чем события 11 сентября.

Возникновение ДАИШ в Ираке и Сирии и ее философия насилия, террора и экстремизма вызвали повсеместное резкое осуждение. Целый ряд наводящих ужас кадров, изображающих казни невинных западных заложников, возвели эту организацию из ниоткуда до объекта «борьбы поколения» и «зла, против которого должен объединиться весь мир», как это сформулировал Дэвид Кэмерон. Практически в одночасье утверждение, что военные и дипломатические действия, предпринимаемые в последнее десятилетие Западом в Ираке и потребовавшие от него больших усилий и расходов, позволили создать стабильную политическую систему, дееспособную армию и добиться значительного снижения террористической угрозы, было опровергнуто.

Движение ДАИШ, которое два года назад не привлекло бы внимания парламента и вряд ли было бы упомянуто в средствах массовой информации и которое, по признанию президента США Барака Обамы, не получило должной оценки в отчетах разведки, быстро прогрессирует. Организация контролирует значительные территории Сирии и Ирака, которые она объявила принадлежащими халифату под предводительством Абу Бакр аль-Багдади, и пытается экспортировать свою жестокую и экстремистскую версию суннитского ислама. Доходы организации составляют 300 млн долларов в год, они захватили арсенал самого современного вооружения и заявляют о наличии у них 30 тыс. бойцов, среди которых есть и значительная доля иностранных боевиков. Важно отметить, что ДАИШ обеспечила себе возможность высококвалифицированного и эффективного присутствия в электронных средствах массовой информации, уровень которого, как отмечают многие комментаторы, позволяет говорить о создании нового «золотого стандарта» взаимоотношений террористических организаций с общественностью. Им удалось добиться успеха в социальных сетях: Facebook, Twitter, Instagram, чтобы пропагандировать свои идеи и привлекать молодых мусульман для исполнения своих экстремистских целей.

Вопреки многим прогнозам, ДАИШ оказалась более живучей на земле Ирака и Сирии, несмотря на продолжающиеся бомбардировки со стороны коалиции, и ее продвижение через Ближний Восток, Северную Африку и страны Африки к югу от Сахары продолжается, особенно на египетском Синайском полуострове и в Ливии.

На самом деле вполне может оказаться, что, одолевая нанесение авиаударов в Сирии, чтобы «отрубить» «змеиную голову» — руководство ДАИШ в Ракке, — британское правительство падет жертвой непонимания ДАИШ и природы современного джихадистского фундаментализма. Даже если ее существование в виде халифата в Сирии и Ираке окажется непродолжитель-

ным, организация ДАИШ очень живуча. Оккупировав в 2014 году Мосул, она не возникла из ниоткуда — ее корни гораздо глубже. И это не та организация, которую можно уничтожить, лишив ее лидеров. Это универсальное движение, идеологические «выкорышки» и последователи которого могут появиться там, где есть кризис управления или вакуум, созданный хаосом, который они могут занять без лишних усилий. Подобные зоны с недостатком управления были преднамеренно созданы такой политикой и интервенциями Запада, как катастрофический роспуск иракской армии в 2003 году и воздушные бомбардировки Ливии в 2011-м, приведшими к свержению Каддафи. В свете сказанного, вероятно, ДАИШ и связанные с ней организации будут влиять на всемирный джихад в течение как минимум следующего десятилетия.

Ближний Восток и политика Запада

На фоне тревожных событий способность внешних игроков повлиять на ситуацию выглядит ограниченной, как никогда ранее. При таком количестве проблем трудно понять, как эти игроки должны приступить к их разрешению и какую роль при этом играть.

Кроме того, в регионе ухудшается репутация Запада, в том числе и Великобритании. Несмотря на стандартные утверждения о глубоких и долгосрочных исторических связях и взаимоотношениях, основанных как минимум на соглашении Сайкса–Пико («Я хотел бы провести линию от “е” в слове “Аcre” до “к” в слове “Kirkuk”») 1916 года, Севрском мирном договоре, заключенном в 1920 году, на свержении шаха и нашей политике поставок вооружения Странам сотрудничества Персидского залива, неудивительно, что западная политика, зачастую обусловленная желанием обеспечить себе нефтяные потоки по приемлемым ценам и отсутствие каких-либо угроз поставкам, породила атмосферу предательства и недоверия.

В условиях, когда западные державы вовсе не являлись честным посредником, нетрудно заявлять о том, что именно они контролировали ситуацию в течение последних лет, когда произошли провалы на Ближнем Востоке, включая последние неверно истолкованные и ненужные войны в Ираке, Афганистане и Ливии. Сегодня в политике Запада отсутствуют стратегия и четкое понимание задач наряду с неудавшейся попыткой адаптировать все более ограниченные ресурсы к растущим обязательствам.

Проблемы Ирака и Афганистана, вместо того чтобы отойти на периферию мировой политики, на что многие надеялись, по-прежнему выдвинуты на авансцену. В последнем отчете ООН сказано, что уровень насилия против мирного населения в Ираке «остается ужасающим».

Мы в Великобритании не знаем, повышает ли наша политика на Ближнем Востоке и в Северной Африке нашу безопасность или мы провоцируем появление новых поколений террористов. И наши решения, когда мы их принимаем, не всегда являются тем, чем кажутся: несмотря на заявления правительства, объясняющие нанесение авиаударов по ДАИШ в Сирии, относительно незначительное их количество было на самом

деле совершено после голосования в парламенте 2 декабря, что наводит на мысль о том, что любые «значимые последствия», которые такие решения будут иметь, гораздо более тесно связаны с реальной политикой, чем ситуация на территории Сирии.

При этом мы не только не сделали ничего, чтобы предотвратить джихадистский ислам, но даже способствовали его распространению. В результате вряд ли стоит удивляться тому, что арабский мир нам не доверяет и мы утратили влияние на него. Несмотря на то что у нас есть серьезные стратегические интересы в регионе, зачастую мы не способны точно понять динамику его политического, религиозного и конфессионального развития.

Из Вашингтона и Лондона о возглавляемом США вторжении в Ирак и свержении Саддама Хусейна было заявлено как об устранении жестокого диктатора. Но в условиях воинствующего сектантства в регионе многие представители Стран сотрудничества Персидского залива воспринимают это как выдачу Ирака Ирану «на блюдечке». При этом все будет выглядеть так, как будто Иран является «победителем» в беспорядках, охвативших регион в 2003 году.

Мы никогда до конца не понимали сложных религиозных различий между суннитами и шиитами и зачастую вставали на сторону суннитов, преследуя стратегические экономические цели, в то время как более разумным было бы сохранение нейтралитета. Мы боремся с перекрестными течениями в регионе и направляем противоречивые сигналы: поддерживаем возглавляемую суннитами коалицию против шиитской группы хути в Йемене и при этом, хотя и менее открыто, привлечение шиитских отрядов в районе Багдада к борьбе против ДАИШ.

Политика Запада после «арабской весны»

По итогам знаковых событий «арабской весны» правительства стран Запада, включая Великобританию, пытаются сделать выводы. Надежды на то, что демократические устремления народов Северной Африки и стран Персидского залива позволят им сформировать правительства, которые будут более прозападными, закончились разочарованием, а крушение этих позитивных ожиданий поставило под сомнение целый ряд подходов Запада к региону, применявшихся после событий 11 сентября.

Политика была обусловлена почти автоматической готовностью к поддержке того, что выглядит как народно-освободительное движение, без какого-либо реального анализа его причин и движущих сил. При этом зачастую вопрос о согласовании либерально-демократических ценностей и выработке четкой единой повестки дня даже не стоял.

Теперь кажущаяся все более наивной концептуальная основа всех действий Запада на Ближнем Востоке, а именно представление о том, что демократия — либо привнесенная путем насильственного свержения диктаторов Ирака и Ливии, либо созданная в результате таких внутренних реформистских движений, как «арабская весна», — сможет обеспечить стабильность, существенно подорвана.

В результате от «демократической повестки» 2011 года пришлось отказаться. В борьбе между стабильностью и демократией победила стабильность. Западная политика, как оказалось, молчаливо поддерживает военные правительства и «спускает на тормозах» критику авторитарных монархий стран Персидского залива — тех сил в регионе, которые рассматриваются как приверженцы стабильности.

В настоящее время политика Запада в значительной степени направлена на оперативное экстренное реагирование, имея целью, как сказал Тарек Осман, «прекращение или если не прекращение, то сдерживание взрывов бомб». Основное внимание направлено на терроризм, миграцию и конфликты. И это в целом отражает обеспокоенность Запада, связанную с тем, что радикализация региона означает усиление террористической угрозы для западных стран.

Надежды на мирный переход к демократии сменились сомнениями в том, что она действительно является правильной моделью для региона и что ислам вообще совместим с демократией, и даже предположениями, что ислам и авторитаризм идут рука об руку. Но прежде чем мы поспешим признать неэффективность демократии как организующего принципа политики, необходимо вспомнить, что рождение демократии редко проходит гладко и быстро. Она появляется в виде «куколки» компромисса, как, собственно, это и происходило в Европе. Необходимо рассматривать события в перспективе, применяя стратегический подход, который позволит не вешать на арабские страны клеймо своего рода уникальных государств, невосприимчивых к широкому историческому контексту.

Тем не менее сегодня, на пепелище «арабской весны» в Саудовской Аравии, многие уверены, что западные силы, принимающие решения, не играют значительной роли из-за ограниченности ресурсов, воли и степени доверия и что теперь это арабская история.

Политика Запада в Сирии

Сирия находится в фокусе внимания Запада и является важнейшей точкой нашей серьезной неудачи. Можно подвести следующий итог действий Запада: дипломатия в смятении, установление мира в который раз отложено, происходит масштабный гуманитарный, миграционный кризис, кризис террористической угрозы, ведутся бомбардировки, при этом неизвестно, способствуют ли они устранению причин этих кризисов, и, что еще хуже, они могут подвергать опасности еще большее число жизней как на Ближнем Востоке, так и на Западе.

Западные политики столкнулись с комплексом краткосрочных требований и долгосрочных задач: поиском политического решения в Сирии, которое обеспечило бы эффективную борьбу против ДАИШ; необходимостью остановки потока беженцев. Западные державы четко заявляли, что эти процессы должны идти без участия Асада. Не имея иной стратегии и видения ситуации в регионе, мы связаны общим делом с так называемыми группами «умеренной оппозиции», единство которых не подтверждено и программа действий которых может не совпадать ни в чем, кроме намерения

свергнуть Асада. Мы говорим о правительстве с широким участием, которое, представляя интересы всех сирийцев, станет «естественным партнером» в борьбе против ДАИШ. Однако у нас нет уверенности в том, что группы, формирующие умеренную сирийскую оппозицию, смогут действовать сообща, чтобы решить колоссальные проблемы Сирии после Асада.

Мы справедливо осуждали Асада за жестокость и войну против собственного народа, но предположения о его приближающемся уходе от власти пока еще преждевременны. И здесь кроется дилемма, так как русские, возможно, решили, что Асад — лучший партнер для борьбы с ДАИШ и, таким образом, оказание ему поддержки соответствует национальным интересам России. Русские заявили, что Запад играет с огнем, пытаясь свергнуть Асада. Некоторые политики — и среди них бывший президент Финляндии Марtti Ахтисаари — считают, что шанс на установление мира был упущен в начале 2012 года и что европейского миграционного кризиса можно было бы избежать, если бы Запад принял предложение России об «элегантном» способе ухода для Асада.

Пока официальные лица Европы и США жалуются на то, что они называют непрозрачностью и двуличностью России, в противовес отсутствию стратегии у Запада президент Путин, кажется, имеет четкое долгосрочное понимание ситуации и план действий, а именно: в условиях зашедшей в тупик войны сместить баланс в пользу своего «клиента» — президента Асада, разбив силы оппозиции. Похоже, расчеты России заключаются в том, что лучше всех с этим справится Асад, который сможет сохранить статус-кво, имеющиеся региональные границы и границы страны от ревизионистов, эсхатологических сил ДАИШ. Этот факт, несомненно, является ключом к пониманию озабоченности России, особенно с учетом чрезвычайной важности вопроса безопасности Центральной Азии, уязвимой перед ваххабизмом: в регионе проживают 13 млн мусульман-суннитов.

И все же Запад настаивает на своем подходе. Пэдди Эшдаун, бывший Верховный представитель в Боснии и Герцеговине, сформулировал это следующим образом: «Сделать отстранение Асада коренным принципом нашей политики в условиях, когда у нас не было средств для осуществления этого, было явным безумием. Если у вас есть цель, у вас должны быть средства ее достижения, а у нас их не было, так как его поддерживали Россия и Иран».

Никакое решение по Сирии также невозможно без участия Ирана, и существуют два варианта, которые будут обусловлены политикой США и России. Первый предусматривает, что Иран после снятия с него санкций будет искать возможности достижения разумных согласованных договоренностей, позволяющих поддерживать ядерную сделку. Согласно второму варианту, геополитическая значимость Сирии для Ирана и подконтрольных ему сил возьмет верх, и Тегеран будет вынужден «играть по-крупному» и начать оказывать поддержку режиму Асада.

Иран четко сформулировал свою позицию: Сирия стратегически важна в качестве транзитного пути

для осуществления поставок организации «Хезболла» в Ливане, но иранцы также рассматривают Асада как необходимую силу, без которой Сирия погрузится в хаос, подобно Ираку. В свете последствий, наступивших в Ираке и Ливии, где насильственное отстранение Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи до сих пор не привело к миру, стабильности и демократии, кто может сказать, что они неправы? И есть ли свидетельства того, что в этот раз все пойдет по-другому?

2016 год задает целый ряд вопросов о будущем Сирии и о том, будет ли положен конец этой трагедии. Если Россия и Иран добьются своего, за этим может последовать расширение коалиции «4 + 1» в качестве новой возможной архитектуры обеспечения безопасности в регионе. Это может иметь далекоидущие последствия, если западные державы, что весьма вероятно, будут рассматривать такую архитектуру как враждебную и антагонистическую.

Но при наличии международной договоренности о необходимости поиска путей прекращения военных действий мы видим еще одну попытку бросить камень в сирийской игре со столь высокими ставками. Это первый, очень условный знак того, что безвыходное положение может быть преодолено. Не потому, что есть какое-либо соглашение или компромисс насчет будущей судьбы Асада, а потому, что Россия и США могут наконец работать над поиском урегулирования — давно назревшее признание со стороны США того, что если Россия является частью сирийской проблемы, то, конечно, это центральная фигура или даже ответ на решение проблемы.

Израиль–Палестина

Проблема палестино-израильских отношений в течение долгого времени считалась «открытой раной» всего мусульманского мира, но после того как фокус западной политики был смещен на Ближний Восток, процесс мирного урегулирования замер, и в области достижения решения двумя государствами нет никакого прогресса. Последняя война между Израилем и сектором Газа была всего 18 месяцев назад — это очень длинный срок для «зыбкого болота» Ближнего Востока, а в отсутствие каких-либо признаков того, что политические элиты с обеих сторон имеют серьезные намерения изменить текущее положение, конфликт резко понизил свои позиции в списке международных приоритетов.

Это не означает, что проблемы более не существует. Фактически ситуация ухудшилась. В то время как внимание мира приковано к другому региону, Израиль, расстроенный иранской сделкой, продолжает агрессивно реализовывать свою незаконную программу урегулирования. В то же время в сектор Газа и на Западный берег перебираются более жестокие экстремисты, что обещает напряжение и беспорядки в будущем. «Открытая рана» заживает плохо, и в 2016 году «нарыв» может вновь прорваться.

Заключение

Мы живем в мире, где глобальные угрозы требуют глобальных решений. Однако зачастую мы не в со-

стоянии найти такие решения. Вопреки своей миссии ООН слишком часто выступает в роли увеличительного стекла для изучения глубоких разногласий в международном сообществе, в то время как деятельность НАТО — организации, далекой от нового видения мирного процесса, — нацелена на гораздо более уязвимые ландшафты. Поиск взаимоприемлемых средств устранения угроз, с которыми мы столкнулись, требующих обязательного выхода за рамки узких интересов, но и в равной мере признающих важность национальной идентичности сторон, является, возможно, нашей главной задачей.

Более того, ни по одной из важнейших задач Запада, связанных с Ираном, Сирией, Северной Кореей, Украиной, невозможно найти решение без России. Западные государства могут не одобрять российскую политику и не доверять президенту Путину, но они не должны и не могут подвергать его остракизму. Роль России в мировой дипломатии слишком важна. Появление нового прагматичного подхода со стороны Запада — призна-

ние реальности и стремление справиться с ней для всеобщего блага — давно назрело, и я надеюсь, что сейчас в Сирии мы наблюдаем первые признаки этого. Установление там мира будет сопряжено с трудностями и потребует труднодостижимых компромиссов. Но если мы добьемся успеха, у нас появится шанс выполнить обещание «избавить грядущие поколения от бедствий войны», которое мы давали как учредители, подписавшие Устав ООН в 1945 году, после сокрушительной войны, через которую прошли европейские страны, Россия и США и которую мы не должны забывать.

Мы также существенно увеличим свои шансы на успех, если будем вместе бороться с ДАИШ как с общим врагом. Эта задача является высшим приоритетом как для Запада, так и для России. Мы можем использовать отдельные сферы влияния для деэскалации напряженности между Ираном и Саудовской Аравией. Если же этого не произойдет, они продолжат вести борьбу в других странах, и в образовавшемся хаосе единственным победителем будет ДАИШ.